

УДК 94(517)"10/12"

Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, С.А. Васютин

КИДАНЬСКИЕ ГОРОДА КОНЦА X – НАЧАЛА XI в. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПЕРИФЕРИИ ИМПЕРИИ ЛЯО*

Показаны причины и факторы изменения политики Ляо в отношении собственных степных владений в конце X в. Подробно рассматривается вопрос о строительстве городских центров и масштабных оборонительных сооружений киданьской империи в Монголии. Особое внимание уделено городам в Центральной Монголии, этническому составу населения в них, материальной культуре. Изучение таких памятников, как Чинтолгой-балгас и Хэрмэн-дэнж, позволяет выявить отдельные черты социального развития населения городских анклавов Ляо в монгольских степях.

Ключевые слова: империя Ляо, киданьские города в Монголии, Чинтолгой-балгас, Хэрмэн-дэнж, социальные процессы.

Киданьская империя Ляо (907–1125) являлась мощнейшей кочевнико-оседлой политией предмонгольского времени. Под властью киданьских правителей оказались значительные территории Северного Китая, часть степей Центральной и Восточной Монголии. Киданями были покорены народы си, шивэй, чжурчжэни, государство Бохай и др. Кидани составляли всего пятую часть населения Ляо – около 750 000 человек, в то время как китайцы – 2 400 000, бохайцы – 450 000, некиданьские «варварские» скотоводческие и охотничьи народы – 200 000 [1. Р. 58]. По уровню сложности политических институтов, культурных процессов Ляо превосходила всех своих предшественников (имеются в виду кочевые империи Центральной Азии конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Не случайно Н. Ди Космо определял время существования Ляо как новый период в истории имперских институтов у кочевников Внутренней Азии [2. С. 213–214]. Наличие значительной доли оседлого населения (китайцы и бохайцы) в степных и предгорных владениях киданей на севере, а также преимущественно китайское население в южных областях империи способствовали формированию дуальной системы власти, которая была разделена на две части: 1) «северная» – для управления киданями, осевшими здесь китайцами, а также бохайцами, чжурчжэнями и другими народами; 2) «южная» – для контроля над завоеванным китайским населением. При этом в северной администрации высшие посты империи, а также управление племенами и областями, столицами и крупными городскими центрами было в руках киданей, в то время как в южных владениях китайские чиновники осуществляли всестороннее руководство провинциями под контролем представи-

телей императорской семьи и других знатных киданьских кланов [1. Р. 428–504; 3. С. 178–187].

В середине X в. империя Ляо пережила первый внутривластный кризис, связанный с правлением так называемых «спящих правителей» – императоров Му-цзуна (Шулую, 951–968) и Цзин-цзуна (Сянь, 968–982). Как Шулюй, так и Сянь практически не ходили в походы и «не занимались государственными делами» (вместо Сяня на аудиенции приходила жена). Сянь, например, из-за полученной в детстве простуды был физически слаб и «не мог сам садиться на коня», «во время праздников и больших приемов... выглядел подавленным и недовольным», «имел склонность к вину и женщинам» [4. С. 209; 5. С. 112, 114, 119–120]. В результате государство слабело, киданьские войска терпели поражения от китайских армий, Ляо утратило ряд областей. Впрочем, в отличие от типичных степных империй киданьской политики удалось избежать острой стадии кризиса. Рост напряженности и внутренних противоречий из-за перепроизводства элиты и утраты ее сплоченности (асабийи, по Ибн Халдуну) блокировался благодаря огромным ресурсам империи, доходам от деятельности оседлого населения, другим поступлениям, значительная часть которых доставалась киданьской знати и обеспечивала ее лояльность правящей династии. Благоприятной была и внешнеполитическая обстановка: никто из соседей Ляо не располагал достаточными силами, чтобы быстро ее ликвидировать.

Важную роль в последующем усилении империи сыграла деятельность вдовствующей императрицы Сяо и императора Шэн-цзуна (982–1031). После смерти Сяня вдовствующая императрица Сяо отстранила от власти его родственников и

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ – МинОКН Монголии № 11-21-03001А/Мон «История киданьской империи Ляо»

смогла создать лояльный и профессиональный аппарат управленцев из киданей и китайцев. Они стали опорой нового императора Шэн-цзуна. Киданьская элита осознала опасность культурной китаизации и утраты кочевой идентичности. Шэн-цзуном и его окружением были предприняты шаги по укреплению номадной составляющей в империи. Не случайным было переименование империи Да Ляо в Да Цидань-го («Великое государство киданей») [5. С. 121]. Для кочевников-киданей Ляо должна была выступать, прежде всего, как номадная империя. Тем не менее, испытывая необходимость в грамотных и образованных людях, императорский двор привлекал на службу не только киданей, но и китайцев. В 988 г. была восстановлена система экзаменов для пополнения чиновничьего сословия. Согласно указу 991 г. следовало выявлять «хороших добродетельных людей» и ставить их на должности [6. С. 90].

Но прежде всего предполагалось восстановление военной мощи и доминирующего положения империи. В 986 г. войска Сун вторглись в южные и западные владения Ляо. В итоге масштабных военных столкновений кидани нанесли сунским армиям несколько поражений [5. С. 121–122, 423–428; 6. С. 85–86]. Удачные военные акции против Сун были осуществлены в 987–988 гг. И хотя в дальнейшем военные действия велись с переменным успехом, регулярные «карательные походы» киданей (999, 1001, 1002, 1003, 1004 гг.) вынудили сунское правительство пойти на переговоры и заключить Шаньюаньский мирный договор (1004 г.). Ляо и Сун обязались прекратить войну, восстановить дружественные отношения. Их залогом были ежегодные поставки Сун для киданей 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра [5. С. 126–129; 6. С. 94]. Постепенно был восстановлен контроль над чжурчжэнями. Си Ся и Кор также были вынуждены признать вассальную зависимость от Ляо. Беспокойными оставались только монгольские «территории к северу от пустыни». Проживавшие здесь многочисленные племенные группы и объединения (дадань, мэngu, диле, юй-цзюэ, угу, шивэй, цзубу и др.) не отличались покорностью, часто восставали и производили нападения на киданьские владения. Карательные походы киданей «так и не смогли обуздать противников» [5. С. 306]. Поэтому при Шэн-цзуне было решено создать в Монголии укрепленную линию. С этой целью в Монголию были переселены китайцы, бохайцы, чжурчжэни, возможно, уйгуры [7. Гл. 37. С. 14а; 6. С. 94] для возведения городов, крепостей и обслуживания военных гарнизонов и киданьской администрации.

Одним из важных элементов киданьской обороны стал так называемый северный «вал Чингисхана» протяженностью более 700 км и расположенный на территории северо-восточной Монголии, Забайкалья и КНР. Южнее вала на расстоянии дневного перехода располагалась цепочка укрепленных киданьских городищ (некоторые из них были вписаны в вал) [8. С. 159, 161–163, 170]. Строительство оборонительной линии и городов заняло несколько десятилетий. В бассейне Керулена (в современном Хэнтэйском аймаке) были построены два больших города – Зуун-хэрэм и Баруун-хэрэм, а также укрепленное каменными стенами городище Углугчийн-хэрэм (южный склон г. Дайчин, сомон Батширээт, Хэнтэй) [9. С. 12–13].

Но наиболее сложный комплекс городищ и поселений возник в Центральной Монголии в бассейне р. Толы. Он включал четыре крупных города (Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм, Хэрмэн-дэнж), каменную крепость Эмгэтийн-хэрэм, более мелкие городки и усадьбы с небольшими валами, такие как Цагаан узурийн хэрэм, Цогтын гэрийн буйр, Найдак уулын дурбэлжин, Дэрсэн хэрэм, Ондгойн дурвэлжин, Талын хэрэм, Цагаан дэнжийн балгас и др. [11. С. 88–163]. Самым западным из больших городов был Харбухын-балгас. Город площадью около 500 000 кв. м имел защитный вал и 30 башен [9. С. 22]. В 26 км к востоку от Харбухын-балгаса располагалось крупнейшее киданьское городище на р. Толе – Чинтолгой-балгас (сомона Дашинчилэн Булганского аймака). Название городищу дано от одноименной горы Чинтолгой, которая находится примерно в 800 м к северу от городища. Чинтолгой-балгас представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1256 × 655 м, вытянутый в направлении С-Ю и ориентированный по сторонам света. Городище окружено двумя валами и рвом между ними. Валы сооружены характерным для китайского градостроительства методом ханту. Высота основного вала 3–5 м, ширина – до 35 м у основания и 3–4 м вверху, внешний вал имеет высоту до 0,5 м. Внутренний вал имел 4 угловые и 31 фронтальную башню, 5 ворот с Г-образными захабами (двое ворот с западной и восточной сторон, одни ворота на южном валу). С западной, юго-западной и северо-западной сторон городище окружали поселения и усадьбы. С южной стороны от памятника найден комплекс гончарных печей [9. С. 26–28]. Северная (административная) часть города отделялась от южной внутренним валом с воротами. Изучение рельефа внутри городища позволило вычлени

его территории отдельные сооружения и кварталы. Большинство подобных конструкций находится в северной части городища. Это могли быть храмы, дворцовые и административные здания. В южной части городища, где уровень дневной поверхности существенно ниже дневной поверхности северного города, западная половина достаточно ровная, и лишь в юго-западном углу имеется несколько обвалованных участков и платформ. Напротив, восточная половина насыщена различными конструкциями, крупными прямоугольными платформами. Поскольку на южном валу много киданьской керамики, эта часть вала, скорее всего, была сооружена позднее северного города [9. С. 30–31]. С севера Чинтолгой-балгас прикрывала крепость Эмгэтийн-хэрэм, находившаяся примерно в 25 км от горы Чинтолгой и призванная первой принимать удары цзубу и других монгольских кочевников. Городище имело площадь 9,6 га, его форма в плане была близка к квадрату (длина каменных валов, ориентированных по сторонам света, около 305–316 м) [14. С. 32]. В 23 км к востоку от Чинтолгой-балгаса располагалось городище Улан-хэрэм. Как и Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм имел прямоугольную форму (примерно 550 м × 480 м) и был защищен основным валом, ровом и внешним валом. Стены города были укреплены 4 угловыми и 19 фронтальными башнями. Ворота с Г-образными захватами располагались по центру западного, южного и восточного валов [9. С. 23–24].

Примерно в 10 км от Улан-хэрэма на противоположном (правом) берегу р. Толы находилось еще одно большое городище киданей Хэрмэн-дэнж (комплекс включает центральное городище и несколько поселений с валами киданьского времени [11. С. 142–151]). Сам город-крепость Хэрмэн-дэнж представлял собой крупный урбанизационный центр киданей, своим общим размером (если считать вместе с укрепленным посадом) мало уступающий городищу Чинтолгой-балгас. Форма основного городища – неправильная трапеция, в которой северный и южный валы ориентированы точно в широтном направлении. Длина западного вала 534 м, восточного – 538 м, северного – 328 м, южного, сохранившегося лишь частично, – примерно 520 м. Современная высота вала, сделанного по технологии *ханту*, составляет от 6 до 10 м. Снаружи имеется ров. Стены этого города имели по периметру 7 вынесенных вперед на 15–20 м угловых и фронтальных башен, позволявших контролировать всю зону вдоль стен и рва. За ровом располагался еще один вал. Единственные внешние ворота находились на юге и имели необычную П-образную форму, заглубленную

вовнутрь городища. Памятник разделен внутренним валом на северную и южную части. Между ними ворота. Северная часть имеет четкую планировку. На ее территории выделены остатки разнообразных зданий. В южной части также зафиксированы остатки строений и платформ, но часть стен и построек была уничтожена водой. С запада к городу пристроен посад, окруженный невысоким валом (длина северного вала 790 м, западного – 560 м, южного, сохранившегося частично, – 560–640 м. Рядом с основным городищем Хэрмэн-дэнж располагались усадьбы аристократии, дома земледельцев, ремесленные мастерские и пр. [9. С. 24–26; 12; 13].

Сложная городская и оборонительная инфраструктура киданьской империи Ляо нашла отражение в управленческой структуре созданного к северу от пустыни округа Шамофу, включавшего западное управление главного воеводы-усмирителя, управление военного инспектора на р. Люйцзюй, управление генерал-губернатора Даоталина, различные военные отряды для усмирения племен дадань, мэngu, диле [5. С. 301]. В целом кидани были первыми кочевниками, которые смогли на длительное время объединить северо-восточную часть Китая и степные территории. Они вынесли оборонительную линию далеко в степь, сделав тем самым свои владения менее уязвимыми. Не менее важное назначение городов в Монголии, по всей видимости, заключалось в символическом контроле над степью – в демонстрации непосредственного присутствия империи здесь, ее власти, администрации, армии. Полиэтнический состав создаваемых городов показывает, что имперская администрация преследовала не только конкретную цель обеспечения продовольствием, вооружением, другим имуществом кочевников, но и воспроизводила многофункциональную роль города в целом.

Совместной российско-монгольской экспедицией (руководители Н.Н. Крадин и А. Очир) в 2004–2008 гг. проводились раскопки на городище Чинтолгой-балгас, в 2009 г. – на Эмгэтийн-хэрэме, в 2010–2012 гг. – на Хэрмэн-дэнже. Наиболее показательными для изучения этнического состава, материальной культуры и социальных процессов на данный момент являются материалы городища Чинтолгой-балгас. В ходе раскопок, которые проводились в северной части городища, был получен уникальный материал, отражающий повседневную жизнь большого города. Наиболее массовые археологические материалы представлены керамической посудой и черепицей. Наряду с посудой исключительно с киданьским орнаментом были

представлены сосуды, орнаментальные композиции на которых включали отдельные зоны с так называемым «уйгурским» орнаментом. Найдены также бохайские керамические изделия разных форм, китайский фарфор (Ляо и Сун), среди конструкций – бохайские каны, китайские жилые и административные здания. При этом очевидно, что посуду, черепицу и другие предметы изготавливали не кочевники-кидани, а земледельческое население города и многочисленных окружающих поселков [15. С. 143–205; 9. С. 65–157]. Смешение культурных традиций наглядно демонстрируют формы сосудов, их орнаментация, дополнительные элементы. Китайское влияние выражено как в принципах градостроительства (планировка, деление на северный и южный город, создание валов с помощью технологии *ханту*, ворота с захабами, конструкция зданий и много другое) [10], так и в крупнейшем вещевом комплексе (черепица, фарфоровые и глазурованные сосуды, другая разнообразная посуда, монеты, зубные щетки, украшения и пр.). Особенно важным было открытие в изученных киданьских городищах черт бохайской археологической культурной традиции: бохайские каны, ленточные ручки сосудов, так называемые «фишки» (кружки диаметром от 1 до 7 см, сделанные из стенок глиняных, глазурованных и фарфоровых сосудов, фрагментов черепицы), игральные кубики, вырезанные из рога, и другие предметы [9. С. 160–161]. Сходная ситуация зафиксирована на Эмгэтийн-хэрэме [14] и Хэрмэн-дэнже [12]. Так, вал городища Эмгэтийн хэрэм сооружался методом *ханту*, но был обложен снаружи и изнутри каменной «рубашкой», характерной для ряда бохайских городищ. Здесь очевидно сочетание китайских и бохайских строительных традиций [14. С. 32–35]. Таким образом, мы можем предположить формирование в киданьских городах Монголии синтезной оседло-земледельческой культуры с доминирующими киданьскими канонами.

В социальном отношении наличие в киданьских городах Центральной Монголии разноэтничного населения должно было способствовать более тесному их взаимодействию в условиях отдаленности от метрополии и регулярных набегов северных кочевников. Ситуация границы обычно способствует сплачиванию группы перед лицом внешней опасности. Можно допустить, что социальная интеграция номадов и земледельцев (в том числе городских ремесленников, низшего чиновничества, услуги и т.д.) могла происходить здесь достаточно интенсивно. Одновременно фиксируется ухудшение положения части рядовых кочевников-киданей, что подтверждается письменными

источниками. Киданьское правительство осознавало трудности гарнизонной жизни: «Нет нынче более тяжелой службы, чем гарнизонная жизнь на западной границе», – констатировал один из лясских чиновников в своем докладе трону [1. Р. 557]. Действительно, северные кочевники регулярно нападали на города империи (так, в 1013 г. дадани больше месяца держали в блокаде один из городов в бассейне р. Толы), грабили население, уводили скот.

Этот вопрос, как и другие проблемы, был поднят Елюем Чжао, который обрисовал суровую картину жизни населения пограничных городов. «В северо-западных районах во время сельскохозяйственных работ один несет патрульную службу, другой заботится об общественных землях, двое находятся в распоряжении должностных лиц. Никто из четырех мужчин не находится дома. Забота о стадах возлагается на их жен и детей. Если их ограбить, они тотчас становятся нищими. Летом и весной им оказывают вспомоществование (зерном). ...скотоводство – это основа процветания страны. Однако чиновники, чтобы предотвратить укрывательство животных, пасут их в одном месте и не разрешают им рассеиваться в местах, где вода и трава обильна. Поэтому из-за дезертирства и смертности воины на границе постоянно заменяются другими, которые не приспособлены к местным природным условиям. Поэтому ситуация постоянно ухудшается, а набеги месяц за месяцем продолжают, [люди] приближаются к полному истощению...» [7. Гл. 104. С. 2а–2б].

Комментируя данный текст, прежде всего, важно отметить, что кочевник по происхождению Елюй Чжао прекрасно понимал, что основа скотоводства – это дисперсный образ выпаса домашних животных. Местным монгольским кочевникам (цзубу, шивэйцам, татаням/даданям и т.д.) вряд ли было под силу взять штурмом города. Они могли вытоптать или поджечь посевы зерна, напасть на стада киданьских воинов, которые в этот момент находились вне дома. Именно поэтому чиновники заставляли киданей собирать стада в одном месте. Возможно, большие ровные участки земли на городищах (юго-западная часть Чинтолгой-балгаса и укрепленный посад Хэрмэн-дэнжа) служили как раз для того, чтобы переждать набеги кочевников. Но при концентрации животных возрастает нагрузка на пастбища, больше травы вытаптывается, чем съедается, что увеличивает риск эпизоотий. Лясским чиновникам, среди которых преобладали китайцы, это было невдомек. Особенно беспокоят Елюй Чжао условия жизни киданьских воинов. Они прибывали на границу со своими семьями, стадами и, возможно, целыми клановыми группа-

ми. Мужчины были заняты большую часть времени воинской службой, а также привлекались к различным трудовым повинностям и сельскохозяйственной деятельности. Хозяйство оказывалось на попечении женщин и подростков, что достаточно типично для кочевников. Важное указание касается оказания вспомоществования зерном весной. Это самое тяжелое время, когда кочевники едят в основном так называемую «белую пищу» (различные виды молочных продуктов). Судя по данным из «Ляо ши», которые собрали К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн, условия существования киданей на этой территории оставались тяжелыми. Как подчеркивал в своей докладной записке Сяо Ханьцзяну, «воинские повинности людей увеличивались и день за днем уменьшался их производительный труд... Номинально мы расширили территорию, но в действительности ничего от этой земли не приобрели...» [1. Р. 558–559].

Таким образом, в локальных городских сообществах на периферии киданьской империи Ляо происходили специфичные общественные процессы, связанные с более интенсивным взаимодействием и взаимовлиянием киданей и земледельческих групп населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1115). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.
2. Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 181–226.
3. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
4. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. и коммент. В.С. Таскина. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1984. 486 с.
5. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи): пер. с кит., введение, комм. и прилож. В.С. Таскина. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1979. 607 с.
6. История Железной империи: пер. и комм. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 356 с.
7. Ляо ши (История династии Ляо) / сост. Токто и др. Пекин: Шаньу, 1958. 832 с. (На кит. яз.).
8. Луньков А.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 155–172.
9. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А. и др. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. 173 с.
10. Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока и смежных территорий. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 120–133.
11. Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хаар бух балгас ба туул голын сав дахь Хятаны уеийн хот, суурингууд. Улаанбаатар, 2005. 187 с.
12. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А. и др. Результаты исследования городища Хэрмэндэнж в 2010 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.). Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2011. Вып. 2. С. 430–440.
13. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. Исследование городов киданьской империи Ляо в Монголии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: матер. V Междунар. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 76–82.
14. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А. и др. Предварительные результаты исследования вала городища Эмгэнтэйн хэрэм // «Acta Historica». Монгол Улсын Боловсролын их суургууль. Т. 11. Улаанбаатар: «Саёмбо принтинг» хэвлэлийн газар, 2010. С. 31–40.
15. Очир А., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. и др. Археологические исследования на городище Чинтолгой (отчет об археологических исследованиях на городище Чинтолгой 2004–2007 гг.). Улаанбаатар, 2008. 211 с.